ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

Научная статья
УДК/UDC 342.53
DOI: 10.21779/2224-0241-2026-57-1-50-56

Конституционные основы борьбы с коррупцией в Российской Федерации

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Шихтимер Баширович Магомедов[1], Никита Олегович Трухин[2]
[1, 2] Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация, *kafedraconst@mail.ru*
[1] https://orcid.org/0009-0007-3798-8277

Аннотация. Статья посвящена исследованию конституционных основ борьбы с коррупцией в Российской Федерации в доктринально и практически значимом понимании — как функционально релевантной совокупности принципов, норм и механизмов конституционного права, обеспечивающих предупреждение коррупции, борьбу с ней и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений конституционно-правовыми средствами. Показано, что бурное развитие антикоррупционного законодательства как межотраслевого комплекса стало формальным и содержательным фактором «вхождения» антикоррупционной проблематики в предмет конституционно-правовых исследований и регулирования. Обосновано, что методологически продуктивным является функциональный критерий выделения конституционных основ, позволяющий избежать неоправданно широкого толкования «антикоррупционного потенциала» Конституции РФ. Выявлены основные направления конституционализации: усиление требований к публичным должностям и статусным ограничениям (в том числе в контексте реформы 2020 г.); развитие статусно дифференцированных антикоррупционных стандартов для лиц, замещающих государственные и муниципальные должности; институционализация превентивных процедур, прежде всего антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов. Отдельно рассмотрены конституционные риски внутриведомственного контроля и избыточного делегирования полномочий, а также пределы ограничений прав и свобод, обусловленных антикоррупционными мерами, через требования ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Сформулирован комплекс предложений по совершенствованию антикоррупционной политики в рамках действующей конституционной модели.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, Конституция Российской Федерации, конституционализация, антикоррупционные стандарты, антикоррупционная экспертиза, контроль, ограничения прав, соразмерность

Для цитирования: Магомедов Ш. Б., Трухин Н. О. Конституционные основы борьбы с коррупцией в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2026. Т. 57, № 1 (77). С. 50–56. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-57-1-50-56

Original article

Constitutional foundations of the fight against corruption in the Russian Federation

5.1.2 — Public law (state law) sciences

Shikhtimer B. Magomedov[1], Nikita O. Trukhin[2]
[1, 2] Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *kafedraconst@mail.ru*
[1] https://orcid.org/0009-0007-3798-8277

Abstract. The article is devoted to the study of the constitutional foundations of the fight against corruption in the Russian Federation in a doctrinally and practically significant sense — as a functionally relevant set of principles, norms and mechanisms of constitutional law that ensure the prevention of corruption, combating it and eliminating the consequences of corruption offenses by constitutional and legal means. It is shown that the rapid development of anti-corruption legislation as an interdisciplinary complex has become a formal and meaningful

factor in the "entry" of anti-corruption issues into the subject of constitutional and legal research and regulation. It is proved that the functional criterion for identifying constitutional foundations is methodologically productive, which makes it possible to avoid an unreasonably broad interpretation of the "anti-corruption potential" of the Constitution of the Russian Federation. The main directions of constitutionalization have been identified: strengthening the requirements for public positions and status restrictions (including in the context of the 2020 reform); development of status-differentiated anti-corruption standards for persons holding state and municipal positions; institutionalization of preventive procedures, primarily anti-corruption expertise of regulatory legal acts and projects. The constitutional risks of internal control and excessive delegation of powers, as well as the limits of restrictions on rights and freedoms caused by anti-corruption measures, through the requirements of Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, are considered separately. A set of proposals has been formulated to improve anti-corruption policy within the framework of the current constitutional model.

Keywords: corruption, anti-corruption, Constitution of the Russian Federation, constitutionalization, anti-corruption standards, anti-corruption expertise, control, restrictions on rights, proportionality

For citation: Magomedov Sh.B., Trukhin N.O. Constitutional foundations of the fight against corruption in the Russian Federation. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2026, vol. 57, no. 1 (77), pp. 50–56. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-57-1-50-56. (In Russ.).

Введение. Конституционно-правовое измерение борьбы с коррупцией обусловлено тем, что коррупционные практики в публичной власти затрагивают базовые начала конституционного строя: доверие к государству, легитимность публичной власти, равенство, гарантированность прав и свобод. При этом в отечественной доктрине противодействие коррупции сравнительно поздно стало рассматриваться как «полноценная» проблематика науки конституционного права; в качестве убедительного «повода» выделяется именно формальный фактор — развитие российского антикоррупционного законодательства в целостный межотраслевой комплекс, который «накладывается» на традиционную предметную область конституционного права и затрагивает конституционно-правовые отношения [4, с. 33].

Цель исследования — раскрыть содержание конституционных основ борьбы с коррупцией в Российской Федерации и определить направления их совершенствования в пределах действующей конституционной модели.

Задачи исследования:

– обосновать критерии выделения конституционных основ борьбы с коррупцией;

– раскрыть ключевые конституционно значимые механизмы (стандарты, ограничения, контроль, превентивные процедуры);

– выявить проблемы реализации и конституционные риски антикоррупционных мер;

– сформулировать предложения по совершенствованию в логике конституционной соразмерности и институционального баланса.

Объект — общественные отношения в сфере противодействия коррупции в публичной власти. Предмет — принципы, нормы и механизмы конституционного права, обеспечивающие предупреждение коррупции, борьбу с ней и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений.

Методология основана на формально-юридическом и системном методах; элементы сравнительно-правового подхода применяются постольку, поскольку сравнительные наблюдения используются для постановки институциональных проблем контроля и гарантий независимости; а также для фиксации исследовательской логики конституционно-правового анализа антикоррупционных институтов.

Обсуждение и результаты. В исследованиях конституционных основ противодействия коррупции ключевой методологической сложностью является риск неоправданно широкого толкования «антикоррупционного потенциала» Конституции РФ. Аргументация строится так: поскольку многие конституционные нормы (например, о народовластии или верховенстве Конституции и федеральных законов) в широком смысле препятствуют произволу власти, их можно включать в «антикоррупционный блок». Однако при таком подходе «антикоррупционными» окажутся практически все нормы Конституции, и тогда категория перестанет быть научно операциональной [6, с. 106].

В научной литературе предлагается продуктивное ограничение: конституционные основы должны включать только те нормы конституционного права (содержащиеся как в Конституции РФ, так и в иных источниках конституционного права), которые либо напрямую связаны с задачами противодействия коррупции, либо обеспечивают их реализацию (создают юридические возможности и гарантии) [5, с. 47]. Такой функциональный критерий позволяет отличать конституционно значимые антикоррупционные институты от общих «антикоррупционных эффектов» конституционных ценностей.

В диссертационном исследовании О. А. Кондаковой предложено определение, согласующееся с указанным критерием: «конституционные основы противодействия коррупции — это совокупность принципов и норм конституционного права, определяющих как общие требования, так и конкретные механизмы предупреждения коррупции, борьбы с коррупцией и ликвидации последствий коррупционных правонарушений конститу-

ционно-правовыми средствами» [5, с. 10]. Одновременно вводится понятие конституционно-правового механизма противодействия коррупции как «системы материальных и процессуальных средств, обеспечивающих те же направления воздействия» [5, с. 10].

Важно, что такой подход «собирает» конституционную проблематику вокруг двух взаимосвязанных осей:

– статусной (конституционные требования к субъектам публичной власти, прежде всего к лицам, замещающим государственные и муниципальные должности);

– процедурно-институциональной (контроль, превенция, ответственность и гарантии независимости контрольных процедур).

Эта «двуосность» принципиальна для конституционного права: коррупция опасна не только фактом злоупотребления, но и тем, что разрушает институциональные гарантии публичной власти (разделение властей, публичность, подотчетность, доверие).

Конституционная модель борьбы с коррупцией в РФ базируется на общеизвестных принципах: верховенство Конституции и закона, разделение властей, равенство, приоритет прав и свобод, федерализм и самостоятельность местного самоуправления [1]. В то же время законодательная «прошивка» антикоррупционной политики напрямую закрепляет систему принципов противодействия коррупции: признание и защита прав и свобод, законность, публичность и открытость, неотвратимость ответственности, комплексность мер и приоритет предупреждения [2]. Их легальное содержание и связь с определением коррупции системно реконструируются в научных работах [11, с. 140].

На уровне конституционно-правового анализа это означает следующее: даже когда конкретные меры установлены федеральным законом, конституционные принципы служат критерием допустимости и мерой соразмерности этих мер, особенно если они затрагивают права и свободы либо конституционный статус публичных должностных лиц.

Принципиально важным является разграничение мер общего и специального характера в конституционно-правовых нормах, релевантных противодействию коррупции: меры специального характера устанавливаются нормами конституционного права и ориентированы на противодействие коррупции как основную цель, тогда как нормы общего характера не направлены на противодействие коррупции напрямую, но могут обладать существенным «антикоррупционным потенциалом».

Доктринально значимый вывод состоит в том, что развитие антикоррупционного законодательства в РФ чаще идет через расширение специальных норм (через изменения в базовом законе и в «пакете» актов), однако эффективность политики требует учитывать и потенциал общих норм: при разработке и принятии норм общего характера целесообразно проводить оценку того, как они влияют на коррупционные риски [5, с. 69]. Эта позиция позволяет обосновать управляемую конституционализацию: не «встраивать» антикоррупционные цели во все конституционные институты декларативно, а корректировать те элементы, где коррупционные риски структурно высоки (статус публичной власти, процедуры контроля, конфликт интересов, прозрачность).

В научной литературе подчеркивается, что конституционная реформа 2020 г. усилила конституционные основы противодействия коррупции применительно к ряду публичных должностей [7, с. 127, 129]. Это можно связать с общей задачей укрепления правовой реакции на коррупцию и ожиданием «прямого» эффекта от конституционных ограничений.

Содержательно акцентируется закрепление в Конституции РФ требований, связанных с отсутствием иностранного гражданства либо вида на жительство (или иного документа на право постоянного проживания за рубежом) для определенного круга лиц, замещающих ключевые публичные должности, а также усиление требований к статусу главы государства в этом аспекте [7, с. 129]. С конституционно-правовой точки зрения эти ограничения иллюстрируют важный тренд: перенос статусных запретов и ограничений на высший нормативный уровень используется как средство минимизации коррупционных рисков зависимости и конфликта лояльностей в публичной власти.

Одновременно в другом исследовании фиксируется, что развитие антикоррупционного законодательства и политики предшествующих лет повлияло на последующую конституционализацию отдельных антикоррупционных элементов [8, с. 166]. Это позволяет рассматривать реформу 2020 г. не как «разрыв», а как этап институциональной эволюции: антикоррупционная практика «подталкивает» конституционное регулирование к более четкой фиксации требований к публичной власти.

Наиболее массовый инструмент противодействия коррупции в правовой системе — антикоррупционные стандарты (ограничения, запреты, обязанности). Научно обосновано, что российское законодательство формирует такие стандарты для различных категорий субъектов, но при этом стандарты зачастую оказываются «схожими» даже для существенно разных по конституционному статусу групп [6, с. 110].

Ключевая конституционно-правовая проблема состоит в том, что правовое положение лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, особенно высшие, существенно отличается от статуса обычных работников и даже государственных служащих; отличается и специфика

коррупционных проявлений и контроля. Отсюда делается вывод о необходимости формирования стандартов для этих лиц, существенно отличающихся от стандартов, установленных для иных субъектов, с учетом особенностей их статуса и механизмов юридической ответственности.

О. А. Кондакова развивает этот тезис: механизмы обеспечения соблюдения антикоррупционных стандартов первоначально разрабатывались для системы государственной службы, но их действие в отношении лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, затруднено; в отношении высших должностных лиц и лиц, занимающих выборные должности, должны предусматриваться именно конституционные механизмы обеспечения соблюдения стандартов [5, с. 10]. Дополнительно показывается, что многие механизмы оказываются «несостоятельными» применительно к лицам, замещающим государственные должности, поскольку регулирование их государственно-властной деятельности осуществляется не на административном, а на конституционном уровне, что предполагает специальные конституционно-правовые решения [5, с. 181].

По нашему мнению, усиление статусных ограничений может повышать устойчивость публичной власти к коррупционным рискам, но одновременно порождает риск процедурной неопределённости и непропорциональности, если стандарты расширяются быстрее, чем развиваются соответствующие конституционно совместимые механизмы контроля и ответственности.

Именно поэтому в доктрине обращается внимание на недопустимость механического переноса административных конструкций на конституционный уровень: при совпадении «по названию» (например, запреты/обязанности) правовая природа механизмов обеспечения и ответственности может быть принципиально иной. В противном случае возникает «нормативная иллюзия» усиления борьбы с коррупцией, когда ограничительные меры принимаются, но конституционно корректные процедуры их применения остаются недостаточно определенными.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов рассматривается в литературе как форма профилактики коррупционных правонарушений, ориентированная на выявление коррупциогенных факторов и повышение качества нормотворчества [9, с. 41]. Превентивный характер экспертизы делает ее особенно значимой в конституционном измерении, поскольку профилактика снижает потребность в жестких санкционных механизмах и, следовательно, потенциально уменьшает давление на права и свободы.

Подчеркивается системность правового регулирования экспертизы, включая распределение ролей между субъектами (в том числе прокуратурой, Минюстом и иными уполномоченными структурами), а также закрепление понятия коррупциогенных факторов [9, с. 42]. Существенным элементом является независимая экспертиза: на подзаконном уровне выделяется регламентация аккредитации независимых экспертов и полномочие Минюста по проведению такой аккредитации как меры профилактики коррупционных правонарушений [9, с. 43].

Ученые предлагают процессуальное усиление независимого компонента: если независимый эксперт обнаруживает коррупциогенные факторы, он может обратиться в органы прокуратуры для проверки обоснованности соответствующего заключения и проведения повторной экспертизы [5, с. 120]. С конституционно-правовой точки зрения такая связка повышает качество нормотворчества и одновременно снижает риск ведомственной замкнутости оценок.

Собственная оценка позволяет рассматривать антикоррупционную экспертизу как разновидность «конституционной технологии» управления рисками: она обеспечивает профилактику коррупциогенности до вступления нормы в действие и тем самым уменьшает вероятность того, что затем потребуется расширение ограничений прав либо усиление санкций. При этом эффективность экспертизы зависит от двух факторов, конституционно значимых по своей природе: процедурной публичности и доступности результатов; институциональной независимости экспертов и механизмов проверки их выводов.

В сравнительно-правовой и институциональной постановке проблемы подчеркивается, что расследование конфликтов интересов и реализация антикоррупционных требований нередко возлагаются на органы, в которых работают проверяемые лица; такой подход снижает объективность контроля и вступает в противоречие с идеей разделения властей [10, с. 208].

В конституционно-правовой перспективе это – не «управленческая мелочь», а проблема архитектуры публичной власти: контроль, совпадающий с объектом контроля, институционально уязвим. Следовательно, конституционные основы борьбы с коррупцией должны включать не только запреты и обязанности, но и институциональные гарантии независимости контрольных процедур (внешний надзор, межведомственные форматы, публичность).

Конституционно значимый риск связан с многоуровневостью регулирования и делегированием полномочий по противодействию коррупции. В диссертации отмечается, что регулирование находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ, что позволяет субъектам не только конкретизировать федеральные нормы, но и прибегать к определенному «опережающему» регулированию при условии непротиворечия федеральному законодательству [5, с. 149].

Одновременно сравнительно-правовой анализ указывает на проблему отсутствия единых

стандартов при делегировании: фрагментация правоприменения способна затрагивать принцип равенства перед законом [10, с. 208]. Эти позиции позволяют сформулировать общий конституционно-правовой тезис: делегирование допустимо, но оно должно быть ограничено так, чтобы не нарушать единство конституционно значимых стандартов ограничений и ответственности; чтобы не приводить к установлению ограничений прав и свобод вне требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (федеральный закон, соразмерность, конституционно значимая цель) [5, с. 148–149].

Антикоррупционные меры нередко имеют ограничительный характер, по нашему мнению, в задачу конституционного права входит оценка правомерности (конституционности) и соразмерности таких ограничений. С позиций ч. 3 ст. 55 Конституции РФ формулируется тест допустимости: ограничения должны устанавливаться только федеральным законом; быть соразмерными целям и не «выхолащивать» сущность прав; достигать конституционно значимых целей.

Особо, на наш взгляд, выделяется проблема «неявных» (или «скрытых») обязанностей: помимо прямо названных в законе обязанностей возникают обязанности, обусловленные порядком императивного или безальтернативного увольнения при совершении коррупционного правонарушения. Из этого можно сделать вывод, что наличие таких «скрытых» обязанностей не согласуется с конституционно-правовыми механизмами регулирования деятельности лиц, замещающих государственные и муниципальные должности. В конституционном измерении это означает риск подмены конституционно определенных процедур ответственности и статуса публичной должности — административной логикой, недостаточной для регулирования государственно-властной деятельности.

С учетом критики внутриведомственного контроля и риска «круговой поруки» [10, с. 208] приоритетным направлением является развитие механизмов контроля, институционально отделенных от проверяемой структуры. На наш взгляд, целесообразно создание межведомственной комиссии по противодействию коррупции (как организационного решения), ориентированной на преодоление ведомственной замкнутости и повышение эффективности контроля.

Межведомственный формат полезен именно как конституционно-совместимая «прослойка» между жесткой конституционализацией (внесение новых конституционных органов) и чисто ведомственным контролем. При корректном правовом оформлении он способен повысить независимость оценки конфликтов интересов и соблюдения стандартов без трансформации конституционного текста.

Второе направление — уточнение антикоррупционных стандартов для лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, с учетом их конституционного статуса. В научной литературе прямо обосновывается необходимость стандартов, существенно отличающихся от «общих» стандартов, с учетом специфики контроля и ответственности [6, с. 110].

Действительно, полагается, что механизмы, разработанные для системы государственной службы, затруднительно применять к высшим должностным лицам и лицам, занимающим выборные должности; кроме того, необходимы конституционные механизмы обеспечения соблюдения стандартов; а также присутствует несостоятельность ряда механизмов именно из-за различия административного и конституционного уровня регулирования.

Статусная дифференциация должна касаться не только «перечня запретов», но и процедур: формы контроля, стандарта доказывания, гарантий защиты от произвола, процедур ответственности и обжалования. Иначе усиление стандартов будет восприниматься как политико-управленческий сигнал, но юридически останется уязвимым по критериям определенности и соразмерности.

Третье направление — усиление превенции. Экспертиза нормативных актов и проектов как форма профилактики должна рассматриваться как один из «ядровых» механизмов, поскольку воздействует на источник коррупциогенности — качество нормотворчества. Практически значимым является развитие независимого компонента (аккредитация экспертов) и процедурное усиление их взаимодействия с прокуратурой при выявлении коррупциогенных факторов.

Увеличение роли экспертизы и публичности способно снижать потребность в расширении запретов и санкций, а значит — уменьшать риск непропорционального ограничения прав и свобод.

Четвертое направление — нормативная унификация пределов делегирования антикоррупционных полномочий на региональный и локальный уровни. Поскольку регулирование находится в совместном ведении, допустима конкретизация и даже элементы опережающего регулирования, но она должна быть жестко увязана с требованиями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: федеральный закон как форма ограничения, соразмерность и конституционно значимая цель.

Собственная формула предложения: в рамках совершенствования законодательства целесообразно закреплять единый «тест соразмерности» как методику правовой оценки антикоррупционных ограничений (включая региональные), чтобы предотвращать фрагментацию стандартов и обеспечивать предсказуемость ограничительных мер.

Заключение. Конституционные основы борьбы с коррупцией в Российской Федерации следует трактовать как функционально релевантную совокупность принципов, норм и механизмов кон-

ституционного права, обеспечивающих предупреждение коррупции, борьбу с ней и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений конституционно-правовыми средствами; при этом методологически оправдано ограничивать круг таких основ нормами, прямо связанными с задачами противодействия коррупции или обеспечивающими их реализацию, чтобы избежать размывания категории через «антикоррупционный потенциал» всей Конституции.

Ключевые направления конституционализации включают: 1) усиление требований к публичным должностям и закрепление статусных ограничений, в том числе в контексте реформы 2020 г.; 2) развитие статусно дифференцированных антикоррупционных стандартов и конституционно корректных механизмов их обеспечения применительно к лицам, замещающим государственные и муниципальные должности; 3) институционализацию превентивных процедур, прежде всего антикоррупционной экспертизы нормативных актов.

Наиболее существенные конституционные риски связаны с внутриведомственным контролем и конфликтом интересов контроля, с многоуровневым делегированием при угрозе фрагментации стандартов, а также с ограничительным характером антикоррупционных мер и появлением «скрытых обязанностей». Перспективные направления совершенствования – межведомственный формат контроля, статусная дифференциация стандартов и усиление превенции через экспертизу при обязательной оценке ограничений прав по критериям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В совокупности эти меры позволяют развивать антикоррупционную политику в рамках действующей конституционной модели, не подрывая конституционные гарантии прав и свобод.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 09.01.2026).

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228.

3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29, ст. 3609.

4. *Шевердяев С.Н.* Логика конституционно-правовых исследований противодействия коррупции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. Т. 65, № 2. С. 32–50.

5. *Кондакова О.А*. Конституционные основы противодействия коррупции в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 213 с.

6. *Кондакова О.А*. Конституционные основы противодействия коррупции в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23, № 2. С. 104–114.

7. *Кожевников О.А.* Конституция и законодательство о противодействии коррупции в Российской Федерации: новые грани взаимодействия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 127–130.

8. *Шаймуллин Р.К*. 30-летие принятия Конституции Российской Федерации и современная антикоррупционная политика // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 165–167.

9. *Мижарева Н.В*. Конституционно-правовые основы антикоррупционной экспертизы как формы профилактики коррупционных правонарушений // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. С. 41–46.

10. *Магомедов Ш.Б., Гаврилов А.С.* Конституционно-правовые основы противодействия коррупции в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 206–210.

11. *Васюков В.В.* Принцип противодействия коррупции в системе принципов социальных процедур // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2025. № 1(60). С. 139–146.

References

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnim golosovaniem 12.12.1993 s izm., odobrennimi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020 [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020]. *Ofitsialnii internet-portal pravovoi informatsii [The official Internet portal of legal information]*. (In Russ.). Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (accessed 09.01.2026).

2. O protivodeistvii korruptsii [On combating corruption]: RF Federal Law No. 273-FZ of 25.12.2008 // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]*, 2008, no. 52 (part 1), art. 6228. (In Russ.).

3. Ob antikorruptsionnoi ekspertize normativnikh pravovikh aktov i proektov normativnikh pravovikh aktov [On the anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts]: RF Federal Law No. 172-FZ of July 17, 2009, *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation],* 2009, no. 29, art. 3609. (In Russ.).

4. Sheverdyaev S.N. Logika konstitutsionno-pravovikh issledovanii protivodeistviya korruptsii [Logic of constitutional and legal research on anti-corruption], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo [Lomonosov Law Journal. Episode 11. Law]*, 2024, vol. 65, no. 2, pp. 32–50. (In Russ.).

5. Kondakova O.A. Konstitutsionnie osnovi protivodeistviya korruptsii v Rossiiskoi Federatsii: dis. … kand. yurid. nauk [Constitutional foundations of combating corruption in the Russian Federation: Cand. Law Sci. … dis.]. Saratov, 2023, 213 p. (In Russ.).

6. Kondakova O.A. Konstitutsionnie osnovi protivodeistviya korruptsii v Rossiiskoi Federatsii [Constitutional framework for combating corruption in the Russian Federation], *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya [Bulletin of the Volga Region institute of administration]*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 104–114. (In Russ.).

7. Kozhevnikov O.A. Konstitutsiya i zakonodatelstvo o protivodeistvii korruptsii v Rossiiskoi Federatsii: novie grani vzaimodeistviya [The Constitution and legislation on combating corruption in the Russian Federation: new facets of interaction], Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation], 2021, no. 3, pp. 127–130. (In Russ.).

8. Shaimullin R.K. 30-letie prinyatiya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i sovremennaya antikorruptsionnaya politika [30th anniversary of the adoption of the constitution. of the russian federation and modern anti-corruption policy], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and state: theory andpractice]*, 2023, no. 11 (227), pp. 165–167. (In Russ.).

9. Mizhareva N.V. Konstitutsionno-pravovie osnovi antikorruptsionnoi ekspertizi kak formi profilaktiki korruptsionnikh pravonarushenii [Constitutional and Legal Foundations of Anti-Corruption Expertiseas a form of Prevention of Corruption Offenses], *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]*, 2021, no. 2, pp. 41–46. (In Russ.).

10. Magomedov Sh.B., Gavrilov A.S. Konstitutsionno-pravovie osnovi protivodeistviya korruptsii v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnikh stranakh: sravnitelno-pravovoi analiz [Constitutional and legal foundations of anti-corruption in the russian federation and abroad: comparative legal analysis], *Agrarnoe i zemelnoe pravo [Agrarian and Land Law]*, 2025, no. 5, pp. 206–210. (In Russ.).

11. Vasyukov V.V. Printsip protivodeistviya korruptsii v sisteme printsipov sotsialnikh protsedur [The principle of combating corruption in the system of principles of social procedures], *Vestnik VGU. Seriya: Pravo [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law]*, 2025, no. 1(60), pp. 139–146. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Магомедов Шихтимер Баширович, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического института Дагестанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: kafedraconst@mail.ru*

Трухин Никита Олегович, магистрант кафедры конституционного и муниципального права юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: kafedraconst@mail.ru*

Поступила в редакцию 26.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 16.02.2026 г.; принята к публикации 09.03.2026 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Magomedov Shikhtimer Bashirovich, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Law Institute of Dagestan State University, Doctor of Law, Professor, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: kafedraconst@mail.ru*

Trukhin Nikita Olegovich, a master's student in the Department of Constitutional and Municipal Law at the Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: kafedraconst@mail.ru*

Received 26.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 09.03.2026